

В. Б. Качарава

Я. П. КОЗЕЛЬСКИЙ

Материалы к биографии
русского философа

В существующих биографических материалах царит немало путаницы и содержится масса противоречивых сведений о жизни и творчестве Я. П. Козельского. Его биография все еще слабо изучена, литература о нем бедна. Г. А. Гуковскому, одному из первых биографов Козельского, пришлось восстанавливать основные вехи биографии философа по титульным листам его сочинений. Ю. Я. Коган писал: «Получить сколько-нибудь последовательное представление о жизни и тем более о формировании мировоззрения Козельского чрезвычайно трудно. Биографических данных о нем сохранилось крайне мало».¹

Ю.М.Лотман в своей статье отмечал: «Биография одного из интереснейших русских философов XVIII в., Я.П.Козельского, изучена слабо. Главная причина этого — почти полное отсутствие источников».²

Рукописи Козельского до нас не дошли, за исключением некоторых работ. Сохранились документы, освещающие отдельные моменты его биографии. Это архивные документы, хранящиеся в архиве Академии наук России (Санкт-Петербург), в Центральном Государственном архиве древних актов (Москва), в Центральном Государственном историческом архиве (Санкт-Петербург). В литературе XVIII в. имя Я.П.Козельского встречается один раз в книге Н.И.Новикова «Опыт исторического словаря о российских писателях» (1772). В XIX в. имя Козельского упоминается А.И.Галичем в книге «Картина человека» (1834). В начале XX в. о Козельском появляются статьи в Энциклопедическом словаре Брокгауза (1895), в Русском биографическом словаре под редакцией А.А.Половцева (1903). В 1906 и 1911 г. появляются статьи П.Столпянского о Козельском, о которых ранее уже упоминалось.

Важное значение имеют биографические сведения, обобщенные В.Л.Модзалевским в «Малороссийском родословнике» в 1908 г. Позже уже в 1938 г. Г.Гуковский уделяет Козельскому ряд страниц в своих «Очерках по истории русской литературы и общественной мысли XX в.». Интерес к Я.П.Козельскому проявился после перерыва лишь только во второй половине XX в.

Взгляды Козельского характеризуются в работах, посвященных русской науке и общественной мысли XVIII в.: Г.Макагоненко «Николай Новиков и русское просвещение XVIII в.» (1951), Э.Виленской «Об особенностях формирования русской освободительной мысли XVIII в.» (1952), В.Е.Прудникова «Русские педагоги-математики XVIII–XIX вв.» (1956). Все это обуславливает повышенный интерес к личности Я.П.Козельского и его вкладу в отечественную науку и философию.

Первые годы жизни и образование Я.П.Козельского

Яков Павлович Козельский родился на Украине в местечке Келеберде, малороссийского Полтавского полка в семье наказного советника. Отец его, Павел Степанович Козельский, был из числа знатных казачьих старшин Полтавского полка, участвовал в Прутском походе в 1711 г., в русско-турецкой войне в 1735-1739 гг. и вышел в отставку по старости в 1739 г. У Якова Павловича Козельского было два родных брата, Яков (в последствии майор, депутат комиссии от Днепропетровского пикинерного полка) и Стефан (сотник).

В указании даты рождения Козельского данные расходятся. По одним данным он родился в 1726 г. По другим — в 1728 г. А в Малороссийском родословнике (Т.11, С.390) вообще указано, что Козельский родился в 1735 г. Наиболее соответствует истине 1728 г. Эта дата приводится самим Козельским в челобитной с просьбой об увольнении его с военной службы.

Вначале Козельский учился в Киевской академии и получил основное знание латинского языка, а затем, «окончил курс на риторике». Для продолжения образования, в сентябре 1750 г., Яков Козельский просил походную канцелярию гетмана «всех Малых России» графа Разумовского (он же президент Академии наук) выдать ему паспорт «для свободного в Санкт-Петербурге прожития». Паспорт был ему выдан.³

Козельский подает прошение с просьбой о предоставлении ему права «обучаться наукам и иностранным языкам», и с 9 ноября 1750 г. он зачисляется учеником гимназии при Академии наук в Петербурге,⁴ куда ученики зачислялись не только для прохождения всего курса, но и отдельных предметов и иностранных языков.

Вот что значилось в «определении» Академической Канцелярии: «означенному просителю, Якову Козельскому, как в университете, так и в гимназии разным наукам и языкам, каким он пожелает, обучаться дозволить на его собственном коште, чего ради профессору университета и гимназии ректору, господину Крашенинникову, дать с сего копию, а чтоб оный проситель без ведома Академической Канцелярии от тех наук не отстаивал, — обязать его в Канцелярии подпискою».⁵

Взятие подписки с ученика свидетельствовало, что Академическая гимназия и университет нуждались в учащих, и что

меры эти применялись для их удержания. Козельский учился добросовестно, с охотой. Из «нижнего» арифметического класса гимназии его через месяц перевели в «средний», а вскоре и в «верхний». ⁶

В гимназии ученики были разного возраста: от шести лет до переваливших за двадцать юношей. Объяснялось это тем, что зачислялись ученики не только для прохождения всего курса, но и отдельных предметов. ⁷ Одним из таких двадцатилетних и был Яков Козельский. Ему приходилось наверстывать упущенное, и уже в мае 1752 г. Козельский становится академическим студентом.

В своем прошении о переводе в университет Козельский писал, что учился он «крайне прилежно» не только наукам, но и в овладении языками, немецким и французским. ⁵ Изучал Козельский языки вместе со студентами университета.

В гимназии Козельский провел два года, и за этот короткий срок он изучил весь обязательный курс дисциплин: арифметику, геометрию, географию, фортификацию, рисование. Кроме того, он дополнительно слушал «математические лекции».

После подачи прошения Козельским, Канцелярия Академии наук поручила профессору Крашенинникову проверить знания Козельского и определить достаточны ли они для того, чтобы он мог приступить к изучению дисциплин, преподаваемых в университете.

В рапорте, поданном 20 марта 1752 г. о результатах проверки знаний Козельского, профессор Крашенинников писал: «помянутый Козельский... во всех оных науках поступает с прилежанием хвалы достойным как явствует из рапортов и посылаемых справок всех учителей; чего ради по моему мнению можно его принять в число студентов, тем наипаче, что прочие студенты с начала вступления в Академию гораздо меньше его разумели в науках». ⁸ Крашенинников, выяснив при первом своем знакомстве с молодым Козельским, что у него знаний гораздо больше, чем у других гимназистов при их вступлении в университет, и убедившись в его жажде к знаниям, уже не выпускал из виду способного юношу.

После проверки знаний просьба Козельского была удовлетворена, и в апреле 1752 года он был переведен в «академические студенты»; с жалованием «против младших академических студентов по сороку рублей в год». «А чтоб он имел к наукам прилежание» в дальнейшем «и со временем мог Академии при-

нести плоды», ректору Крашенинникову вменялось в обязанность «иметь за ним смотрение».⁹

В университете Козельский пробыл пять лет по май 1757г. Таким образом, в стенах учебных заведений при Академии наук он провел в общей сложности семь лет. Здесь были заложены основы его обширных энциклопедических знаний, здесь складывалось его мировоззрение передового человека и мыслителя.

Козельский прошел курс философии у профессора Брауна, прослушал лекции по естественному и гражданскому праву, по истории, экспериментальной физике и химии, познакомился с астрономией и, наконец, овладел немецким и французским языками и усовершенствовался в знании латыни.

Философские знания Козельского не ограничивались слушанием лекций профессора Брауна, он участвует в диспутах по философии, которые проводятся в университете раз в неделю, по пятницам. На диспутах наряду с положениями абстрактно-рационального свойства, выносились и «глубокомысленные» вопросы о том, отнимается ли «вольность наша», если «бог действием нашим помогает», и может ли божье «спомоществование» послужить «зла причиною».

Это была вольфианская метафизика, педантичная по форме и преподносимая в схоластическом духе. Схоластика тогда еще сильно влияла на философию и ее обучение. Это в значительной степени оказало свое влияние на Козельского и сказалось в той страстности, с какой он позже ополчился против пережитков средневековья в науке и философии.

На формирование взглядов Козельского не могло не повлиять и то, что гимназия и университет не считались в то время чисто дворянскими учебными заведениями. В них обучались наряду с дворянами сыновья ремесленников, солдатские дети и даже дети крепостных. Связано это было с тем, что дворяне отдавали своих детей на обучение в военно-учебные заведения, особенно в недавно открытые кадетские корпуса, обеспечивавшие чины и карьеру.

Однако в академических учебных заведениях существовали правила, по которым ученики разделялись по сословным признакам. Дети из знатных сословий сидели за особым столом, в отношении их запрещалось применять физические наказания. После того как в 1758 году директором академической гимназии и университета стал М.В.Ломоносов эти правила перестали применяться.

Забота Ломоносова о росте отечественной науки и просвещения, его борьба с косностью и невежеством проходила на глазах у студентов академии, среди которых был и Козельский. Он несомненно был лично знаком с Ломоносовым, который читал студентам лекции по экспериментальной физике. Козельский общался и с близкими Ломоносову людьми — его любимым учеником студентом Н. Поповским и профессором Крашенинниковым.

Вместе с Козельским в университете учились А. Я. Поленов, А. Барсов, Н. Поповский, ставшие позже видными деятелями русской передовой науки и мысли.

Вся атмосфера академии и учебных заведений при ней была наполнена и пропитана духом деятельного, живого, творческого отношения к науке. Эту свежую, беспокойную атмосферу создавал Ломоносов. Неудивительно, что молодое поколение, жаждущее знаний, тянулось к нему и всегда находило в его лице поощрение, а если было необходимо, то и защиту.

Число студентов университета в годы пребывания там Козельского было незначительным: в 1752 году — 20; в 1753 году — 18; в 1757 году — 18; в 1758 году — 16 и т.д.

Все эти студенты отлично знали друг друга, всех их знали и профессора, и лучшим из студентов разрешалось находиться в профессорских собраниях — «сидеть за стульями и разговорами их пользоваться».¹⁰

Ранее уже упоминалось, что в годы пребывания Козельского в академическом университете он хорошо был знаком с видным русским натуралистом и географом XVIII в. профессором Крашенинниковым (экзаменовавшим и давшим положительные рекомендации Козельскому еще при поступлении в университет).

Крашенинников был одним из ближайших сподвижников Ломоносова в борьбе за демократические начала и самостоятельное развитие русской науки. До самой смерти — в феврале 1755 г. — Крашенинников был верным другом и помощником Ломоносова. За день до своей смерти, совсем уже больной, Крашенинников пришел на заседание в Академию наук, чтобы поддержать Ломоносова, защищавшего новый регламент. Если Шумахер и его группировка старалась вести дела так, чтобы «не допускать русских студентов к совершенству учения», то профессора, сподвижники Ломоносова, всячески содействовали возвышению способных студентов «из природных россиян».¹¹

В 1753 г. всем студентам университета был произведен «генеральный» экзамен, в результате которого у студента Козельского выяснилась склонность к математике. В августе 1756г. Козельский представил профессорскому собранию Академии наук собственное математическое исследование об интегралах¹² (рукопись сочинения на латинском языке хранится в архиве Академии наук России в Санкт-Петербурге).

Материальное положение Козельского, как и большинства студентов, было незавидным. Студенческого жалования (48 рублей в год) едва хватало, поэтому Козельский охотно брался за работу, которая могла бы улучшить его материальное положение. Так уже через год, при содействии Крашенинникова, он назначается преподавателем в нижнем немецком классе гимназии, где он сам недавно учился, «за некоторое вознаграждение».¹³

А в июле 1755 г., Козельский просил Академическую Канцелярию разрешить ему быть репетитором племянника коммерц-коллегии и прокурора Самарина и жить в его доме: «Жить мне в его доме гораздо полезнее нежели при университете. Ради того, что я те деньги, которые, живучи в университете, издерживал на кушанье, могу употребить на покупку книг и прочих к учению полезных вещей».¹⁴

Можно допустить, что Козельский не надеялся остаться учителем в гимназии после смерти Крашенинникова и заранее подыскивал себе место. Переехать в дом Самарина Козельскому разрешили 3 августа 1755 г. Старший сын Самарина — Николай Михайлович Самарин занимал влиятельный пост в коммерц-коллегии и, возможно, при его содействии Козельский был позже назначен гренадером в Преображенский полк.

Переход на военную службу, педагогическая деятельность, первые печатные труды

Остаются неизвестными причины перехода Козельского из университета на военную службу. 22 мая 1757 г. он подал в Академическую Канцелярию прошение об увольнении из студентов в «воинскую службу». Мотивировал он это тем, что «к одним только воинским наукам имеет охоту» и «от некоего времени», наряду с занятиями математическими науками и языками, «обучался фортификации».¹⁵ Уже через четыре дня, 26 мая 1757 г. Козельский получил «абшид» с подписями членов Ака-

демической Канцелярии, в том числе и Ломоносова. Рекомендация этого документа давала Козельскому возможность беспрепятственно продвигаться по службе «в бытность при академии поступал он (Козельский) добропорядочно: в штрафах и подзрениях не бывал, и ни в каких худых поступках не присмотрен». ¹⁶ Позднее Козельский много раз вспоминал о годах учебы с чувством благодарности.

В 1765 г., после опубликования книги «Механические предложения», он, обращаясь в адрес Академии, писал: «Высокопочтенные господа Академики! Между благополучиями почитаю я за наилучшее то, чтоб достичь человеку до такого состояния, чтоб он мог приносить пользу своему отечеству, и отправлять разумно и беспорочно полагаемую на него по закону должность. А как человек, имея с природы грубой и неочищенной разум, такого совершенства иначе приобретать не может, как помощью наук; то для того науки по справедливости почтяться могут источниками нашего благополучия. Я по счастью моему имел случай препроводить часть юношеских моих лет в обучении математики и физики при Санктпетербургской Императорской Академии Наук, как в жилище разных знаний... И хотя я того в мыслях моих мечтать не могу, чтоб дела мои требуемым образом соответствовать могли благоразумным наставлениям поданным мне от сего высокопочтенного общества; однако я и тем преимуществом доволен, что получил от него то, не всякому известное просвещение, что могу видеть в человеческой моей слабости то, что я весьма мало что знаю на свете; и потому избегать могу посмеяния разумных людей над такими высокоумствующими о себе самолюбцами; которые скрытным образом стараются о себе невеж, будто бы не было ничего не ведомого им на свете». ¹⁷

Козельский сохранил чувство признательности к своему родному Академическому университету до почтенных лет. В своей последней работе «Рассуждение двух индейцев Калана и Ибрагима о человеческом познании» он с благодарностью писал о пользе знаний, полученных во время учебы в университете, которые «облегчали трудности пути». ¹⁸

Итак, в 1757 г. Я.П.Козельский переходит из университета на военную службу. В 1758 г. он уже гренадер Преображенского полка и состоит при коменданте генерале Косагове. ¹⁹

Положение быть на посылках видимо не могло удовлетворить Козельского. По всей вероятности он искал случая про-

явить свои знания, так как вскоре перешел на службу инженер-прапорщиком (преподавать математику) в инженерно-артиллерийскую школу, которую в 1758г. принял под собственную свою дирекцию» генерал-фельдцейхмейстер П.И.Шувалов, который уделял большое внимание комплектованию школы способными наставниками. Особенное внимание уделялось достойному вознаграждению, особенно учителей чистой и прикладной математики. Зарплата в школе определялась важностью предмета и удобством подыскания учителей. Вот интересные в этом отношении данные: учитель математики — 800 руб. в год, политических наук — 600 руб. в год, русского языка — 500 руб. в год, иностранных языков — 400 руб. в год, танцев — 300 руб. в год.²⁰

Инженерно-артиллерийская школа в 1762 г. была преобразована в Инженерно-артиллерийский шляхетный кадетский корпус. В этом корпусе получили образование почти все известные русские артиллерийские генералы — Дорохов, Сеславин, Никитин и другие, прославившиеся в Отечественной войне 1812 г., а также видные русские математики — Гурьев, Висковатов, Верещагин.

В объединенной Инженерно-артиллерийской школе, на базе которой возник упомянутый корпус, учился с 1755 по 1761 г. Михаил Илларионович Кутузов, будущий знаменитый полководец.

М.И.Кутузов отличался замечательными математическими способностями. Уже будучи учеником, занимался преподаванием арифметики и геометрии в соединенной солдатской школе. Не исключено, что Козельский общался с Кутузовым в Артиллерийской школе.

Я.П.Козельский получил при вступлении в воинскую службу в 1757г. чин инженер-прапорщика, в следующем, 1758г. был произведен в подпоручики, в 1763г. — в поручики. В 1764г. Козельский уже инженер-капитан, что считалось по тем временам неплохой карьерой.

В артиллерийской школе от учителей требовали не только хорошего знания предмета, но и поощряли их к творческой работе, связанной с учебными занятиями.²¹ Козельский оказался на высоте этих требований. Не утратил интереса он и к просветительской деятельности. Более того, служба благоприятно сказывалась на его творческом росте и послужила толчком к его первым выступлениям с самостоятельными печатными трудами.

Генерал-фельдцейхмейстер П.И.Шувалов считал математику «основанием всем наукам на свете» и поручил Козельскому составить руководство по арифметике. Оно было издано в 1764г. уже после смерти Шувалова для нужд шляхетного корпуса под названием: «Арифметические предложения для употребления обучающегося в Артиллерийском и Инженерном Шляхетном корпусе благородного юношества, сочиненные артиллерии капитаном Яковом Козельским. В Санкт-Петербурге 1764». Посвящение было написано Александру Николаевичу Вилбоа, генерал-директору Инженерного корпуса. Работа Козельского была напечатана «на счет» Сухопутного Кадетского корпуса. Тираж составил 1200 экземпляров, объем 285 страниц. В приложении был дан перечень монет разных народов и давалось сравнение соотношения монет между собой.

В этом же году в свет выходит и другой учебник Козельского «Механические предложения для употребления обучающегося в Артиллерийском и Инженерном Шляхетном Кадетском корпусе благородного юношества, сочиненные артиллерии капитаном Яковом Козельским. СПб., 1764». Этот труд тоже был посвящен А.Н.Вилбоа, напечатан он был при Императорской Академии наук. Тираж был поменьше предыдущего и составил 600 экземпляров. Объем 242 страницы, в приложении было напечатано большое количество таблиц.

Эти труды появились в результате кропотливой работы Козельского над переводами иностранных учебников и использования работ отечественных авторов (Эйлера, Крафта, Лакайля, Бугера, Камуса, Вольфа, Белидора, Озанама). Он критически их переработал и, внося свои собственные предложения, составил пособия.

В предисловиях к своим первым работам Козельский высказал свои взгляды на постановку и методику преподавания математических предметов. Он пропагандирует связь теории с практикой. «А как многие из авторов, — говорит он в предисловии к своим «Механическим предложениям», — пишут одну теорию, другие одну практику, а некоторые из них, и то редко, мешают теорию с практикой, то мне оба метода не показались приемлемыми, чего ради я следовал третьему и при описании ее (механики) правил удалялся от великой сухости теории и от прямой слепоты практики; а напротив того старался все предложения изъяснять кроме опытов еще и житейскими предметами».²²

Исходя из этого соображения, он в своем учебнике механики изложил то, что ученику нужно будет знать в жизни, то же, что «в жизненных случаях неупотребительно», Козельский пропустил, считая, что «последние не столько пользы, сколько скуки наносят читателям и часто отвращают их от учения». ²³

Этими же соображениями он руководствовался и в построении своего учебника по арифметике. «Часто случается, — говорит Козельский в предисловии к «Арифметическим предложениям», — что молодые люди, обучив все правила арифметики, с нуждою могут или совсем не знают решить самых легких предметов, ежели не сказать им, до какого они правила принадлежат. Причиною сего отчасти слабое по малолетству их рассуждение, а отчасти порядок учения; потому что учителя при показании правил, обыкновенно задают ученикам своим примеры в одних цифрах состоящие, не упоминая притом никаких случающихся в жизни человеческой нужд, которые принадлежат для решения к тем правилам; итак, обучающийся сим образом молодой человек делает решение одних правил, не понимая вимало в их употреблении к житейским нуждам и не усиливая привычного к тому своего рассуждения; отчего проходит, что природы довольно хорошего рассуждения, то хстя бы и твердо знал арифметические правила, однако при решении случающихся в обхождении человеческом потребностей погрешить может, не зная, которое к тому правило употребить должно». ²⁴

Желая всемерно облегчить ученикам усвоение арифметики и увеличить их успеваемость по этому предмету, Козельский в своем учебнике «полагает при всех правилах случающихся в жизни человеческой примеры» и объяснения строит так, чтобы «начинающий учиться арифметике не имел нужды искать решения арифметических примеров и задач в других книгах».

В своих предисловиях Козельский объясняет цели и задачи издания своих учебников. Из этого видно, что он «сочинял сию книгу не по жадной охоте, чтоб хотя с бедным сочинением, только бы не опоздать успеть в число авторов».

В «Механических предложениях», рассуждая о значении механики в жизни человека, Козельский, естественно, не мог умолчать о трудах тех великих ученых (Архимеда, Эйлера и Ньютона), которые значительно продвинули развитие науки вперед. Козельский озабочен тем, чтобы учащиеся при изучении механики прежде всего усвоили физическую сторону описываемого явления, что ему и удалось достичь описанием своих

и чужих опытов. «Механические предложения» до выхода в свет были переданы на рассмотрение академика, математика и астронома Эпинуса, который нашел ее «полезною для общества и достойною напечатания».

«Механические предложения» Козельского выдержали два издания (второе без изменений издание вышло в 1787 г.). Написанные Козельским первые труды были несомненным его достижением не только потому, что изложение специального материала отличалось в них ясностью, стройностью и самостоятельностью, но и, в частности, благодаря выдвинутым в них прогрессивным и новым для русской педагогической мысли того времени дидактическим принципам.

Козельский исходит здесь из положения, согласно которому метод обучения наукам должен вытекать из самой сущности научного знания, как отражения и обобщения действительной жизни, окружающей человека природы. Наука помогает человеку ориентироваться в совершающихся вокруг него явлениях, постигать их причины, давать им оценку. Но, возможно, это потому, что сама наука развивалась на основе опыта, наблюдений, фактов. Учитель должен руководствоваться достижениями науки в ее развитии и совершенствовании для того, чтобы математические и физические правила и законы не оставались абстрактными, оторванными от жизни формулами.

Педагогу, говорит Козельский, следует «принять за предводителя натуру», не «склонять ее в согласие математическим правилам», а, наоборот, «приноровлять математические правила к законам природы»²⁵ и прежде чем вводить то или иное правило, показать относящиеся к нему «употребительные к человеческой жизни случаи». Будучи частью физики, механика прежде всего опытная наука. Поэтому, считает Козельский, и в преподавании ее надлежит придерживаться не употребительного, а опытного метода. Выступая таким образом, Козельский отнюдь не сводит науку на уровень чистого практицизма, не принижает роли теории. Он больше призывает к разумному сочетанию теории и практики.

От простого к сложному, от опыта и наблюдения к научному обобщению — таков метод его работы. Козельский вполне стоит на уровне современной ему передовой педагогики, пронизанной просветительскими идеями и энциклопедизмом. С первых шагов своей творческой деятельности Козельский придерживался материалистических взглядов, прежде всего в теории познания,

в методах науки, заявил себя сторонником тех воззрений, которые в России разрабатывались Ломоносовым, а за рубежом прямыми наследниками Бэкона и Локка — французскими энциклопедистами.

Следует отметить, что работы Я.П.Козельского 1764-1766 г., относящиеся ко времени преподавания в артиллерийском кадетском корпусе, показывают его стремление выйти за рамки официальной идеологии. Это еще только первые шаги, только первые отдельные мысли. Ему предстоит еще немало потрудиться, прежде чем эти мысли сформируются в единую философскую и социально — политическую концепцию. Устремленность мыслителя в сторону передовых просветительских идей выступает уже в ранний период его творчества.

Период, начиная с 1764 по 1770 г., самый плодотворный в жизни Козельского. В 1764 г., когда выходят первые работы «Арифметические предложения...» и «Механические предложения...», Козельский дебютировал и в качестве переводчика, издав на русском языке трагедию английского драматурга XVIII в. Оттвея «Возмущение против Венеции. Трагедия, сочиненная господином Оттвеам, а с немецкого языка на российский переведена Артиллерийского и Инженерного Шляхетного корпуса поручиком Яковом Козельским. СПб., 1764.» Напечатана она была «на счет переводчика», тираж составил 1200 экземпляров, объем 98 страниц. Делая перевод этой книги, Козельский прежде всего интересуется, что происходит, когда интересы власти и народа расходятся.

В этом же 1764 г. появляется первый том «Истории о переменах, происходивших в Швеции, в рассуждении веры и правления, сочиненная аббатом Вертотом, Королевской французской академии надписей и словесных наук членом, а с французского языка на российский переведена артиллерии капитаном Яковом Козельским. Ч.1-2. В Санкт-Петербурге при Императорской Академии наук, 1764 год». Посвящение — Александру Николаевичу Вилбоа, генерал-директору инженерного корпуса. Тираж — 600 экземпляров, объем — 291 страница.

В следующем году Козельский напечатал второй том этого сочинения и составленную Шофиным «Историю славных государей и великих генералов с рассуждениями о их поступках и делах, собранные господином Шофиным. Из сочинений Роллена, Кревиера и других, а с французского языка переведенная артиллерии капитаном Яковом Козельским. В Санкт-Петербур-

ге при Императорской Академии наук, 1765 год». Посвящение этого перевода — Цесаревичу Великому Князю Павлу Петровичу — наследнику престола. Напечатан перевод «на счет переводчика», объем составил — 346 страницы.

В этом же 1765 г. были напечатаны вольфианские «Начальные основания фортификации, сочиненные господином профессором бароном Вольфом, а с латинского переведена артиллерии капитаном Яковом Козельским. В Санкт-Петербурге при Императорской Академии наук в 1765 году». Посвящение — графу Григорию Григорьевичу Орлову. Генерал-директору инженерного корпуса. Тираж — 600 экземпляров, объем — 159 страниц с приложениям. Кроме того, вышла первая часть перевода «История Датская сочиненная господином Гольбергом, которую сократил и приписал к ней свои примечания надворный советник Яков Козельский. Ч. 1-2. В Санкт-Петербурге». Посвящение также было графу Орлову. Напечатана книга была «на счет» Козельского в типографии сухопутного кадетского корпуса. Объем произведения (Ч. 1-2) составил 520 страниц.

Год спустя появилась вторая часть книги Гольберга и еще одна книга «Государь и министр книга, сочиненная господином Мозером, с немецкого языка переведена артиллерии капитаном Яковом Козельским. В Санкт-Петербурге 1766 году». Посвящение — Великой Государыне Императрице и Самодержавице Всероссийской. Напечатана при Императорской Академии, объем — 369 страниц.

Козельский не безразлично относился к материалу, который переводил на русский язык. Каждый перевод он сопровождал предисловиями и примечаниями, давал не только общую оценку книги, но и делился своими мыслями по затронутым вопросам. Изданные Козельским книги дают полное представление о формировании его социально-политических позиций, особенно секуляризм. Официальные историки за сменой исторических событий видят прежде всего «сильных мира сего», Козельского интересует больше всего моральные уроки, которые дает история. По мнению Козельского прошлое имеет нравственно — воспитательное значение.

В своих примечаниях к «Истории Датской...» Козельский подчеркивает один мотив: прославляемые короли и князья церкви — на самом деле тираны, которые заставляют подданных терпеть нужду и лить кровь ради их планов. По его мнению, опыт истории — морально-отрицательный, почти всегда добро-

детель оказывалась поверженной, а порок торжествовал, интересы правителей брали верх, а народы ввергались в бедствия. И чем дальше человечество шло по пути цивилизации, тем больше совершенствовались пороки. В средние века в Дании король Регнер, не насытившись «геройством в кровопролитии своих подданных», стал и еще искать себе той чести, чтоб история его прославляла разорителем и других народов». ²⁶

Секуляризм Я.П.Козельского

В переводах Козельского одним из важных моментов было выявление места и роли церкви в обществе. Идеи секуляризма как выражение его мировоззренческих установок находят свое подкрепление в переводимых им произведениях.

В комментариях к книге Гольберга, Козельский высказывает мысли о церковной истории. Если в более поздней своей работе, в «Философических предложениях», Козельский стоит на твердых радикальных позициях и критикует моральные основы христианства, то в предисловии к «Истории Датской...» принципы христианства еще сохраняют положительную значимость. В «Истории Датской...» есть еще различия христиан «прямых» от христиан «титularных» и именно с позиций этого различия Козельский обрушивается на католическую церковную знать, на папство. Давая свою оценку паломничеству (после окончания норвежской войны) короля Канута в Рим с богатейшими дарами для церкви, Козельский поясняет «бог знает, как показались святому апостолу Петру сии подарки, выжатые из чистой человеческой крови». ²⁷

Не менее острым замечаниям, направленным против догмата отпущения грехов, сопровождает он описанный эпизод убийства Канутом полководца Ярла Ульва и последующего «прощения» короля, которое было куплено у церкви. «Вот какие наказания за несправедное убийство, — иронизирует Козельский, — и ежели почесть его за довольное, то никакому честному человеку нельзя жить на свете, и похоже будет на то, будто бы бог не знал, что одному легко было дать излишнее, и что другому несносно было лишиться своего». ²⁸

Та же тема звучит и в других высказываниях Козельского, и опять симпатии его на стороне жертв властителей. Прославляя графа Адольфа, свершившего в VIII в. ряд набегов на соседние народы, Гольберг сообщает о постройке графом монастыря (как

о «святом поступке») — в «благодарность» за победы. «Кажется, что больше было бы святости в том, — пишет Козельский, — чтоб не нападать на неповинных людей войною, нежели строить монастыри». ²⁹

Но самой большой выразительности достигает Козельский в обличении папства. «В 1251 г. папа лишил архиепископа Майнцкого Христиана его сана, для того только, что он не способен был к войне». Эти строки вызывают у Козельского резкое осуждение кровавой деятельности главы католической церкви на всем протяжении ее истории. А говоря о крестовых походах (у Гольберга — «чародейственных войнах») и вообще о войнах за веру, Козельский пишет, что «заразительная и лишающая человеческий род здравого разума язва наполняет все века и времена разорением, воздыханием, слезами и рыданием».

Переходя к римским папам, продолжает : «сии мнимые пастыри и опекуны христианских народов... оказали себя во многих случаях начальниками и предводителями всех мятежных, кровавых, властолюбивых, сребролюбивых и других безбожных дел». ³⁰ Развязанные в угоду папству, «эти «чародействующие войны» приводят к тому, что «великое множество неповинных людей, для отпущения за неудовольствие, и часть мнимое малого числа других, жертвуют пролитием своей крови и потерянением живота». ³¹

А в заключение Козельский с удовольствием пишет о падении, хотя и не окончательном, папского авторитета. Нет сомнений, что обличая и бичуя датских «обладателей» и князей церкви, Козельский имел в виду и своих современников. В этом видимо и заключается глубокий смысл его примечаний.

Смысл морального урока истории в том, чтобы, осудив историческое прошлое, подумать о лучшем будущем. Исторический материал дает возможность Козельскому сформировать свой взгляд по одному из важнейших вопросов — проблеме войн.

В предисловии к «Истории славных государей и великих генералов...» он подчеркивает разницу между продиктованными «корыстью правителей» набегами и морально оправданной борьбой, которую народы ведут ради своей безопасности и своего существования в случае «неправедного нападения властолюбивых соседей».

Против войны Козельский восстает в «Философических предложениях»: «выдумали еще никакое военное право, которое

никогда не было, не есть и не будет» (стр. 73). Против войны он выступает и в предисловии к Шофину: «войны, производимые монархом еще не дают ему право на прозвище «Великий». В результате войн, справедливо замечал он в «Истории Датской...»: «великое множество неповинных людей, для отпущения за неудовольствие и чисто мнимое, малого числа других, жертвуют пролитием своей крови и потеряннем живота» (С. 206-207).

Но Козельский не только ратует против войны. Он рассуждает о проблемах армии:

«1. Для наружной безопасности надобно ставить крепости на одних границах не в близком расстоянии и то такие, чтоб тамошним жителям одним не отяготительно было их строить, в том намерении, что крепость должна только устоять хотя время до подания помощи, а не так, как некоторые в головах своих строят непобедимую крепость; такие прожекты доказывают больше; непобедимое упрямство, а не непобедимую крепость, невозможно в натуре и на пользу общества.

2. Содержать столько войска, которое б пропорционально было пространству земли и количеству народа.

3. Чтоб солдаты были хороши, то брать в сие звание по охоте, а не поневоле, для сего полезно, чтоб солдаты все женаты были, то дети их могут быть лучшие солдаты.

4. Для наружной безопасности во всех. А наипаче в пограничных местах надобно приучивать всякого звания людей без изъятия уметь обходиться с оружием.

5. Надобно, чтобы солдат сносил труды всегдашний, только не чрезвычайный, также нужду, а не страдание, и исправлять бы свою должность, а не прихоти начальников»³².

Все это очень не походило на распространенные в то время взгляды, рисовало совсем новую постановку военного дела — и, конечно, должно было остаться гласом вопиющего в пустыне.

Основанием для этих взглядов у Козельского было следующее: «Ежели б употребить то число людей, которые бывают в кампании против неприятеля, к какому — либо другому делу, то чаятельно они не меньше бы принесли трудом своим пользы, как и победою своею, и то ежели удастся, а побываемые бы на баталии люди живы остались». Эти мысли Козельский будет защищать на всем протяжении своего творчества.

Количество изданных Козельским трудов заставляет предположить, что над ними он работал еще в Академическом университете. Простое перечисление работ говорит о том, что Козельского интересовали очень серьезные, общественно важные вопросы. Его переводы — это поиски ответов и решений на вопросы, которые ставила перед мыслящими русскими людьми действительность.

Козельский чувствовал потребность русского общества в хорошей, серьезной книге. Благодаря знанию иностранных языков, он был хорошо знаком с зарубежной литературой. Выбирая то, что ему казалось достойным «внимания охотного читателя», он переводил и издавал, хотя ему иногда недоставало средств, чтобы оплатить расходы по напечатанию своих книг и переводов.

Почти все свои переводы Козельский издавал от своего собственного имени и на собственные деньги, причем порой терпел материальные затруднения. Сохранился документ, свидетельствующий о большой стесненности Козельского в средствах. В 1765 г. он подал в Канцелярию Академии наук «доношение»: «Доносит артиллерии капитан Я.Козельский о нижеследующем: в прошлом 1764 и сего 1765 годах за напечатанные при Академии переведенных мною книг, а именно первой истории шведской, второй — о славных государях, третьей — о фортификации должен я заплатить всего 830 рублей 84 копейки с половиною, о чем для взыскания с меня комиссару Зборомирскому ордера даны. А понеже я вышеописанных денег в один раз заплатить ныне не в состоянии, того ради канцелярию Академии наук покорнейше прошу вышеописанные книги по объявленной от меня цене при книжной лавке комиссару Зборомирскому продавать приказать и вырученные деньги в число имеющегося на мне долгу брать половину, а другую отдавать мне пока весь казенный долг уплачен будет, а что касается до трудов помянутого нами Зборомирского, то я ему заплатить должен».³³

Отсутствие средств не останавливало Козельского в его стремлении дать русскому читателю полезную книгу, и он, делая долги, продолжал издавать свои переводы один за другим. При всем различии масштабов его издательская деятельность напоминает Н.И.Новикова, который, как отмечал Белинский, «не был книгопродавцом», не имел цели «нажиться продажей книг», но воодушевлялся «высокой гражданскою страстию — разливать свет образования в своем Отечестве».³⁴

Переход на штатскую службу в Сенат

В самый разгар своей плодотворной писательской и преподавательской деятельности Я.П.Козельский переходит с военной службы на штатскую. В марте 1766 года капитан артиллерии Козельский подал челобитную «об увольнении его за имеющеюся грудною болезнью от военной службы к статским делам». ³⁵

Поддерживая эту просьбу, Военная коллегия сообщила Сенату, что Козельский «крестьян не имеет... грамоте российской також арифметику, геометрию, артиллерию, фортификацию, алгебру и механику, немецкой, французской и латинской языки, историю и географию знает, в штрафах не бывал, состояния хорошего, свой класс обучает с прилежанием» и по всем данным «к перемене достоин». ³⁶ Из документов видно, что необходимость своего определения «к статским делам» Козельский мотивировал «неимением собственного пропитания», — он не владел ни землей, ни крестьянами.

В середине апреля Козельский получил назначение на должность 3-го департамента Сената и одновременно чин надворного советника. ³⁷ В 60-е г. XVIII столетия, во время царствования Екатерины II, 3-й департамент Сената ведал делами по Украине, Прибалтийскому краю, а также по ряду центральных учреждений, в том числе по Академии наук и Московскому университету.

Что заставило Козельского уйти в отставку и оставить свое место преподавателя в кадетском корпусе, где он имел возможность заниматься точными науками? Была ли указанная в челобитной причина — единственной причиной ухода в отставку, остается и по сей день неясным. Во всяком случае эта перемена не заглушила в нем стремление к знаниям, к лучшему овладению философией, к которой он испытывал пристрастие. Более того, переход в Сенат даже послужил дополнительным стимулом к его философским исканиям. «При вступлении моем из воинской службы в статскую, — пишет Козельский в посвящении А.А.Вяземскому в «Философических предложениях», — имел я для приобретения в ней некоторой способности неодолимую нужду упражняться в чтении философских книг, служащих к сему намерению». Это заявление характерно для того времени.

По роду своей работы столкнувшись с различными сторонами общественной и государственной жизни, Козельский почув-

ствовал необходимость расширить свой кругозор и обрести теоретическую опору для лучшего уяснения чисто практических вопросов, выдвигаемых окружающей социальной действительностью. Увлекаясь философией, Козельский вскоре задумал изложить в книге результаты своих чтений и размышлений. Он испытывал надежду в распространении философских знаний среди соотечественников. Не исключено, что идея написания книги возникла у него и в связи с созывом в 1767 году Уложенной Комиссии, в числе прогрессивных депутатов которой находился его брат.

Козельский и Козельские

Интересно, что именно этот период жизни Я.П.Козельского в литературе нередко освещается через деятельность его родного брата Я.П.Козельского — майора, депутата Комиссии от Днепровского пикинерского полка.

В 1947 г. была напечатана статья И.Бака, в которой он категорически заявляет: «Козельский-писатель и Козельский-депутат одно и то же лицо».³⁸ Ю.Я.Коган, напротив, в статье «Свободомыслие Я.П.Козельского», утверждает: «Козельский-писатель и Козельский-депутат два разных лица».³⁹

В 1952 г. в предисловии к «Избранным произведениям русских мыслителей второй половины XVIII века» И.Я.Щипанов, не присоединяясь ни к одному из этих мнений, заявляет: «Вопрос о двух Козельских до сих пор нерешен».⁴⁰

В 1955 году О.Коробкина, исследуя этот вопрос на архивных материалах, пришла к окончательному выводу: Яков Павлович Козельский, писатель и переводчик, и Яков Павлович Козельский, депутат, разные лица, но родные братья».⁴¹ Каким же образом молодой студентке удалось опровергнуть точку зрения именитых ученых?

О.Коробкина обратилась к проверке данных И.Бака. Она установила, что главным источником своих исследований И.Бак выбирает «Именной список господам депутатам находящимся в Комиссии о сочинении проекта нового уложения, с показанием кто из оных в разные, от большого собрания учрежденные частные комиссии определены, и ныне действительно находятся. Апреля по 20 число 1768 года печатан в Санкт-Петербурге при Сенате». По свидетельству И.Бака, биографические сведения о Я.П.Козельском — депутате, находящиеся на 5 странице ука-

занного «Именного списка», целиком совпадает с данными титульных листов произведений Я.П.Козельского — писателя и переводчика. Это и является доказательством И.Бака идентичности писателя и депутата.

Центральный Государственный исторический архив в Санкт-Петербурге, Архив Академии наук России, Библиотека Академии наук в Санкт-Петербурге располагают экземплярами «Именного списка», но ни в одном из этих экземпляров ни на указанной И.Баком 5-й странице, равно как и в другом месте, никаких сведений, о которых говорит И.Бак и на которых он строит свое доказательство идентичности Козельского — писателя и Козельского — депутата, нет. И поэтому О.Коробкина обращает внимание на то место из статьи И.Бака, где он сообщает об источнике новых сведений о Козельском: «Между тем неизвестный и неиспользованный биографами Козельского список на 20 апреля 1768 г., экземпляр которого имелся в библиотеке кн. М.М.Щербатова (Известия Императорской Академии наук. № 9. 1910) содержит графы, отсутствующие в других списках...»

В сообщении о «списке» И.Бак зачем-то включил слова: «экземпляр которого имелся в библиотеке кн. М.М.Щербатова». «Но мало ли где, — утверждает О.Коробкина, — имеются экземпляры списка». И далее О.Коробкина, опровергая точку зрения И.Бака и ссылаясь на С.В.Папаригопуло, высказывает предположение, что И.Бак пользовался экземпляром списка депутатов, сброшюрованным со списками служащих различных учреждений, где имеются сведения и о Козельском — философе. Видимо, И.Бак не обратил внимание на то, что упоминание о надворном советнике Я.П.Козельском имеется в справочном списке не депутатов, а должностных лиц. Я.П.Козельский, находясь на службе в 3-м департаменте Сената, занимается делами и родной Украины. Известно, что депутаты в Комиссии с Украины и от войска Запорожского везли с собой в Петербург массу писем. В числе писем к разным лицам были письма и к «секретарю сенатскому Якову Павловичу Козельскому». ⁴² В Комиссии депутатом от Днепровского пикинерного полка был брат писателя майор Козельский. Так философ Козельский оказался непосредственно связан с депутатами Комиссии.

О.Коробкина проверила также сведения В.Л.Модзалевского. Модзалевский в предисловии к первому тому своего «Малороссийского родословника» подробно говорит об источниках, из

которых он брал материал для своего труда. В их числе он называет архив Академии наук, фонды архива Сената и герольдии, которые в настоящее время хранятся в Центральном Государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге.

О.Коробкина разыскала и проверила указанные В.Л.Модзалевским документы, в результате чего полностью подтвердилась точка зрения В.Л.Модзалевского о существовании двух Козельских. Данные архивных документов позволили О.Коробкиной, как она пишет, — «категорически утверждать, что Яков Павлович Козельский — писатель и переводчик, автор «Философических предложений» и майор Яков Павлович — депутат Комиссии — два разных лица». ⁴³

Чем же занимался в пятидесятые годы Я.П.Козельский — писатель и переводчик?

Документы, которые хранятся в Архиве Академии наук России, дают ответ на этот вопрос. Из прошения Я.Козельского в Канцелярию Академии наук от февраля 1752 г. стало известно, что с ноября 1750 г. он обучался (как уже ранее говорилось) в гимназии при Академии, «а теперь желал бы обучаться в Академическом университете». ⁴⁴

Далее, как нам уже известно, Козельский был экзаменован проф. Крашенинниковым, о чем было доложено рапортом 20 марта 1752 г. Профессор Крашенинников просил рапортом 27 января 1753 г. об определении Козельского на должность учителя немецкого языка в «нижний класс».

В феврале 1753 г. Канцелярия Академии наук послала рапорт Малороссийскому гетману гр. К.Г.Разумовскому, к рапорту прилагались сведения об экзамене студентов. Указывалось, что в числе других в «нижнем классе» экзаменуется и Я.П.Козельский.

В июне 1755 г. Козельский просит Канцелярию Академии разрешить ему быть репетитором в доме прокурора Самарина и 3 августа он получает на это разрешение.

30 октября 1758 г. комиссар книжной лавки при Академии наук Зборомирский подает рапорт, из которого становится известно, что Козельский, Преображенского полку grenадер». ⁴⁵

Все эти факты были уже рассмотрены раньше. На основании их О.Коробкина утверждает о том, что Я.П.Козельский с 1752-1757 года был «академическим студентом», с 1757 года состоял на военной службе. (И.Бак утверждал, что Козельский с 1752 года на военной службе). О.Коробкина подтвердила эти факты

и с помощью сличения почерков Козельского — студента и Козельского — писателя, которые оказались идентичными (образцы почерков приводятся ею в исследовании «К биографии Якова Козельского» на странице 197).

Заслуживает внимания и еще один факт, приведенный О. Коробкиной.⁴⁶ В Центральном Государственном историческом архиве в отделе архива Сената, в фонде Герольдии (ф.1343) есть дело под № 4780 (опись 23) под названием «Дело о дворянстве» Козельских. (Слушано 21 октября 1825 г., 22 апреля 1852 г. и 3 ноября 1853 г.). В нем собраны копии большого количества документов, позволяющих осветить основные периоды жизни Я.П.Козельского писателя и переводчика. «1784 г. сентября 18-го дня — по указу е.и.в. Киевского наместничества дворянское собрание рассматривало доказательства, представленные от статского советника Якова Козельского о себе и о родных его братьях — майоре Якове, сотнике Стефане, и племяннике их сотничьем сыне, из которых явствует, что предки их были...» — таково начало одного из документов хранящемся в этом деле.

О том, что Я.П.Козельский — писатель и Я.П.Козельский — депутат — разные лица, свидетельствует и следующее место из выписки ревизионной коллегии при Полтавском депутатском собрании: «Слушали дело из Киевского в Полтавское депутатское собрание поступившее, из коего значится, что статский советник Яков и родные братья его майор Яков же, сотник Стефан Павловы сыны и племянник их Иван Козельские, доказывая свое благородное происхождение, при двух доношениях мая 30, августа 28 числа 1784 года в Киевское депутатское собрание в подлинниках приложили следующие документы...»⁴⁷

Таковы факты, которые были приведены и документально доказаны О.Коробкиной. Эти факты окончательно решили спорный вопрос о том, что Козельский-писатель и Козельский-депутат — два разных лица.

Говоря о проблеме Козельских, следует также остановиться на родственных связях Я.П. Козельского и Ф.Я. Козельского.

По данным Г.Гуковского⁴⁸, утверждающем об «отцовском влиянии» на Козельского — поэта, и В.Орлова⁴⁹, который пишет, что взгляды Я.П.Козельского «унаследовал его сын — поэт Ф.Я.-Козельский», — Федор Яковлевич Козельский является сыном Якова Павловича Козельского — писателя и переводчика. По мнению Ю.Я.Когана, Ф.П.Козельский является племянником мыслителя и недоразумение вызвано по признаку отчества.⁵⁰

В этом спорном вопросе есть разгадка и заключается она в том, что Федор Яковлевич родился около 1734 г., когда Якову Павловичу — писателю было всего несколько лет от роду, и он физически не мог быть отцом. Оба они одновременно учились в Академическом университете.⁵¹

По данным В.Л.Модзалевского, Федор Козельский был сыном старшего брата автора «Философических предложений», тоже Якова Павловича Козельского.⁵²

Федор Козельский, которому суждено было стать поэтом, несомненно подвергся влиянию идей своего дяди, это особенно заметно в его творчестве. Федор Яковлевич как поэт был последователем сумароковской школы, он был связан с Н.И.Паниным, к которому относился как к патрону — благодетелю.⁵³ В своих стихотворениях «Рассуждениях» он стал на защиту крепостного мужика. Говоря о грубости нравов крестьян, Федор Козельский настаивает на том, что «самая грубость мужицкая» есть следствие социального уклада, следствие жестоких условий социального бытия. Эта прогрессивная в те времена точка зрения, сближает поэта с дядей Я.П.Козельским и с С.Е.Десницким, ставит его в ряд идеологических деятелей подготовивших почву для Радищева. В своих «Размышлениях о милосердии» Федор Козельский пишет:

Когда наш селянин в собраниях лукавых
Не слышит ничего, не знает говорить,
Кроме обычных слов, *бить, грабить и убить*, —
Убийство столь уже ему неважно зрится,
Что если нам в проезд спросить его случится:
- Не слышно ль про разбой? — Ответствует: *шалаят*;
Сим словом знать дает, что грабят и мертвят;
То видно, что разбой игрой считает в жмурки,
Иль тем, когда дитя шалит метаньем чурки.
Как некогда на казнь вельможа осужден
И был на лобное уж место приведен,
И как ему пристав колеблющусь напрасно
И смерти зрящему пришествие ужасно
С холодностью сказал : ложись, брат, князь Иван,
То видно чувство нам, с каким и сей тиран
Взирал тогда на смерть и пагубу людскую,
И как сострадал, зря участь смертных злую,
Иль подданных своих владелец разорив,

Налогом и бичьми до смерти отягчив,
Когда истяжет дань чрез лютые удары
На надобный прокорм передней цуга пары
И спросит их смеясь: *что баня какова?*
Не кажут и сии нам жалости слова.⁵⁴

Именно дикая жестокость хозяев приучала крестьян к жестокости. Федора Козельского интересовали не только социальные, но и политические вопросы.

Что не узнал еще правителей народа?
Что дружба и родство — едина их выгода?
Что брань у них и мир для собственных потреб,
Докажет сверх других, сие Борис и Глеб.⁵⁵

Немало места уделяет Федор Козельский проблемам этики, разрешая их в духе передовых идей французских просветителей. Он хорошо усвоил Руссо, Гельвеция («Гельвеция читай, Монтескиу, Вольтера» — советует он). От Гельвеция идет развитая Федором Козельским мысль об эгоистической основе поведения людей («Размышления о дружбе»). Можно допустить, что Федор Козельский был включен в движение просветительской мысли своего времени.

Трактат «Философические предложения»

Возвращаясь к разговору о переходе Козельского с воинской службы «в гражданскую», хотелось бы отметить, что сенатские канцелярские будни несколько не заглушили в нем стремления к знаниям, к лучшему овладению философией, к которой он был неравнодушен.

В начале августа 1768 г. «Санкт-Петербургские ведомости» уведомили читателей о том, что «правительствующего» Сената в типографии продается новонапечатанная книга «Философические предложения». На титульном листе этого сочинения стояло имя Якова Козельского. Работа над этим произведением была важным этапом в жизни Козельского. В этой работе были оформлены ранее наметившиеся его философские и социальные взгляды. Эта работа стала для Козельского и школой критического отношения к философским авторитетам, и кроме того серьезно повлияла на переоценку ценностей. Работая над «Филосо-

фическими предложениями», Козельский обратился к изучению лучших произведений французских просветителей. Знакомясь с их произведениями, Козельский обнаружил, что «только четырех человек, а именно: господ Руссо, Монтескиу, Гельвеция и некоторого Анонима, коего книга под титулом «*Philosophie morale reduite a ses principes*», которые писали основательно о материях нравоучительной философии».⁵⁶ Из числа избранных Козельский особо выделяет Руссо, который по его словам «превзошел всех бывших до него философов».⁵⁷ Козельский имеет в виду «Дух законов» Монтескье, книгу Гельвеция «Об уме», а также «Общественный договор» и «Рассуждения о причинах неравенства» Руссо. Но интерес Козельского затронул и Вольтера, и Ньютона и даже мыслителей древности, таких как Цицерон.

В предисловии Козельский раскрывает свой взгляд на философию, ее задачи и методы. Он высказывает критические суждения об абстрактном философствовании.

Труд Козельского состоит из двух половин посвященных философии теоретической и философии нравоучительной. К философии теоретической автор относит «Логику» и «Метафизику». К философии нравоучительной — «Юриспруденцию» и «Политику». Только перечисление частей произведения показывает, что Козельский желал охватить в нем всю совокупность философских и социально — политических проблем. Именно в «Философических предложениях» Козельский выступает как вполне сложившийся мыслитель, противник схоластики, идеализма и теологии. Козельский, оставаясь самостоятельным, отдает должное западноевропейским просветителям. Он отвергает вольфианскую метафизику, которую считает богословски окрашенной, и становится в теории познания на позиции материализма.

Решая проблемы морали в тесной связи с социальными проблемами, Козельский использует воззрения Гельвеция и Руссо, сочетая сильные стороны обоих. Осуждая социальную действительность, Козельский прибегает к помощи этического учения Гельвеция. А говоря об идеальном устройстве общества, он отталкивается от Руссо. Козельский сумел найти приемлемое для своих рассуждений в творчестве двух виднейших, хотя и не сходных друг с другом во взглядах французских просветителей.

Козельский, как и все просветители, высоко ценил силу человеческого разума, сокрушающего вековые предрассудки и су-

еверия. Но усовершенствования и просвещение разума не является, с точки зрения Козельского, залогом торжества «истинной справедливости». Он отмечает, что «весь свет согласно старается прежде и больше усилить себя в разуме, нежели в добродетели». ⁵⁸ Именно это и является, по его мнению, препятствием к установлению справедливых порядков. Козельский предлагает оценивать с точки зрения этой добродетели, а не только разума, и поступки людей и явления общественной жизни.

Добродетель в обществе может быть усилена, по словам Козельского, только при условии должного нравственного воспитания, огражденного от религиозной морали. Но он признает, что это средство не может привести к успеху из-за социальной среды, которая может свратить и весьма «добродетельно» — воспитанную личность. Но ради торжества добродетели необходимо изменить социальные отношения людей. Козельский подчеркивает, что «когда мы видим в каком народе мало добродетелей, то происходит это от излишнего своевольтва одной части того народа и от великого притеснения другой». ⁵⁹ Познать просвещение можно только освободившись от подневольного труда, указывает он.

В своем произведении Козельский пытается указать не только пути, но и найти силы, которые могут привести общество к справедливости. И это его стремление сливается со стремлением многих просветителей своего века. Он склоняется в своих поисках к идее «просвещенного монарха».

В первой части своей философской системы Козельский дает определение логике, она понимается им как наука о формах познания. Его теоретические положения наиболее близки к «Логике» Х.Баумейстера. Козельский не только очищает логические положения от религиозно — идеалистических привесков, он проводит материализм при анализе всех логических форм, он считает нужным ввести в логику несколько параграфов об ощущениях как первой ступени всякого знания, подчеркивая при этом материалистическую сущность ощущения и вообще познания. Логика Козельского представляет собой самостоятельную переработку и выбор всего ценного в вольфианской логике под углом зрения материализма. Логика Козельского метафизическая, как в целом и вся его философия. Козельский внес для своего времени большой вклад в научное развитие логических взглядов.

Бытие Козельский понимает как «состояние, способное к действию или страданию». ⁶⁰ Категория «бытия» характеризуется Козельским через движение, изменение и связь. Здесь же имеется положение, которое дает повод говорить о деизме Козельского. Он пишет: «Содержание всех созданных вещей называется свет», а дальше «составляющие свет вещи суть сложные и называются тела...» Первое высказывание содержит деистическое отступление, но оно нигде не подтверждается и, следовательно, разговор о деизме Козельского вести нельзя.

Каждая вещь необходимо имеет свое «существо», сущность. «Существо вещи, — пишет Козельский, — есть то, по чему ее от всех других отличить можно». ⁶¹ Например, отсутствие пределов — сущность бесконечности. «Принадлежности» вещи разделяются на «свойства» — это как бы стороны сущности (их «причина находится в самом существе вещи») и на «случайности», независимые от существа вещи. Свойства, как и сущность, по мнению Козельского, постоянные для вещи случайности — перемены.

После логики в «Философических предложениях» идет метафизика — наука «об общих понятиях». В философской модели Козельского она состоит из онтологии (знание «о вещах вообще») и психологии («наука о духе»).

В своих «Философических предложениях» Козельский изложил онтологию сухо и скупо, она значительно дополняется в других произведениях Козельского. На категории «вещь» он строит целую систему философских категорий. Эти категории Козельский представляет как абстракции («отвлечения») того общего, что имеется в вещах. Блестяще анализируя категории общего, особенного и единичного, Козельский заявляет, что общее существует лишь через единичное и не исчерпывает последнего. Анализ категорий общего и единичного ведется с материалистических позиций. Он продолжает лучшие традиции философии от Аристотеля до Вольфа.

Анализируя необходимые и случайные вещи, Козельский переходит к категориям необходимости и случайности. «Необходимое есть то, без чего быть не можно или что иначе быть не может. А случайное есть то, что иначе быть может». ⁶² Козельский попытался объяснить соотношение необходимого и случайного. Необходимо то, что связано, вытекает из сущности; случайно то, что не связано с сущностью вещи. «Ученость Сократа не беспричинна, но она не вытекает из сущности чело-

века и потому «есть случайность в рассуждении его человечества».

Козельский представляет мир как систему, имеющую «непрерывный свой порядок и непреложные законы».⁶³ Козельский признает всеобщую связь вещей. Но его понимание взаимосвязи и зависимости вещей осталось в духе традиций XVIII века.

Козельский подробно анализирует такие категории, как возможное, подобие, вещество, пространство, место, время, субстанция, естество вещи и др. В своем понимании философских категорий Козельский является одним из глубоких и передовых мыслителей XVIII века.

В понимании физического строения материи Козельский был наследником линии, идущей от Демокрита к Ломоносову. Особенностью позиций Козельского является то, что он ставит вопрос о сложности самых мельчайших частиц, «из которых состоят тела». Из — за того, что естествознание не давало в то время определенного ответа на этот вопрос, Козельский обращаясь к философам призывает «не умничать о сем вдаль». Постановка вопроса о сложности частиц вещества была попыткой понять физический смысл бытия материи.

Козельский соглашается в своем труде с определением «материи», данным Гельвецием в работе «Об уме». (По Гельвецию, как известно, мир состоит из тел, и общие свойства объективно существующих тел составляют содержание понятия материи.)

Козельский не сомневается в объективности существования тел. Он заявлял, что свет — совокупность тел (в том числе и человека). Он утверждал принцип материальности мира.⁶⁴ Твердые вещества, жидкости, газы, лучи света — все это тела. (Козельский считает, что пространства, как такового вне тел не существует, есть протяженность тел).

В «Философических предложениях» Козельский определяет тела как «всякую такую вещь, которую осязать можно». Позже в других работах он уточняет это определение. Объективность существования и данность в существовании — эти черты составляют основу материалистического понимания категории материи. Воззрения Козельского отвечают духу времени и соответствуют взглядам и Ломоносова и французских просветителей.

Вторая часть метафизики Козельского — психология (наука о духе). Важнейшая проблема — отношение тела и души. Позицию Козельского в данном вопросе можно определить как подход к

материализму с позиций дуалистической теории физического течения перипатетиков. Подобных же взглядов придерживались Д. Аничков, И. Михайлов и другие прогрессивные ученые.

Суть позиции Козельского заключается в том, что внешние вещи воздействуют на органы чувств (вызывают в них «перемены»). Эти «перемены» в органах чувств и вызывают «представление» наружной вещи в душе. «Душа» выполняет строго определенные функции и во всем зависит от тела, органов чувств. Нельзя «не видеть вещи, когда она попадает в глаза», но можно закрыть глаза. Наоборот, нельзя без внешней вещи вызывать чувствования по желанию. Воображение истолковывается Козельским материалистически, например, — пишет Козельский, — «во время зубного боля не можно иметь того чувствования, которое в здоровьи и весельи». Дело души — производить на основании данных чувств понятия. Даже позже в своих суждениях Козельский не говорит о душе как субстанции, а скорее как о функции тела человека.

Если по вопросу о форме познания Козельский допускал дуалистические отступления, то в вопросе о содержании сознания он был на самых передовых материалистических позициях того времени. Он нисколько не сомневался в познаваемости мира. Наука, познание — копия, природа — подлинник. В вопросе о путях познания Козельский — сенсуалист. Все познание он разделяет на «нижнее» — чувственная ступень и «вышнее» — логическая ступень. «Вышнее» познание присуще только человеку, «нижнее» — также и животным.

Значение чувственной ступени познания состоит в том, отмечает Козельский, что, во-первых, «все познание человеческое начинается от чувств»; во-вторых, «чувствами познаем мы единичные только вещи», отчасти и особенное в вещах. Логическая ступень («вышнее познание») — познание общего.

Козельский строго разграничивал две ступени познания и выступил с критикой ошибочного смешения Гельвецием ощущения с суждением.

Одной из оригинальных и сильных сторон психологических взглядов Козельского являются его положения о том, что психические свойства человека проявляются и изменяются в практической трудовой деятельности. Так обстоит дело с темпераментом, памятью, привычками.

Большой интерес представляют взгляды Козельского на классификацию наук. Вопрос о развитии науки и просвещения был

вообще актуальным для Европы XVIII века, и не менее злободневным для России. Этот вопрос особенно был интересен русским просветителям, энциклопедистам, в том числе и Козельскому.

Он, как энциклопедист, ратовал за всемерное развитие просвещения и наук, не стесняемое цензурой и войнами. В противовес Руссо, Козельский утверждал, что науки и энциклопедические знания дают человечеству силу и только «худое употребление» наук дает в результате зло для человечества.

Козельский желает, чтобы науки и всесторонние энциклопедические знания служили и применялись во благо людей. Козельский считает, что науки возникли из необходимости удовлетворить нужды человеческого общества, и дальнейшее их развитие проходило также под знаком удовлетворения человеческих нужд, но отчасти уже и «любопытства ради».

Развитие познания вызывает с точки зрения Козельского появление все новых самостоятельных наук. Все науки он разделяет на естественные (физику) и общественные (изучающие натуру человека). Козельский классифицирует естественные науки. Принцип деления — изучение тел по агрегатным состояниям. Естественные науки разделяются, по Козельскому, на четыре группы: 1) изучающие твердые вещества; 2) изучающие жидкие вещества; 3) изучающие газы; 4) изучающие свет («огонь»). Философия и отчасти математика в этой классификации стоят особняком.

Главное достоинство систематизации наук по Козельскому заключается в принципе классификации по объектам изучения, а не по качествам ума, как это было до него. В то же время деление по признаку агрегатного состояния (а не формам движения материи) метафизично. Из-за этого в деталях «классификации наук» много наивного и поверхностного.

В 1906 г. П. Столпнянский писал: «Особенности изложения философии у Козельского, если сравнивать его книжку с аналогичными, довольно значительны. В то доброе старое время «философия» понималась слишком широко.

Вот для примера книжка, носящее заглавие: Грамматика философических наук или краткое разобранье новейшей философии, изданная на аглицком языке г. Вениамином Мартином, а с оного переведена на французский, с французского же переложена на Российский Павлом Бланком. Часть первая. Москва, в вольной типографии Понамарева. 1796 г. Читатель

вполне ошибается, если подумает, что в этой книжке излагается философия, как мы ее понимаем в настоящее время, это просто изложение физики, так как и последняя входила в понятие философии. Козельский сузил свою задачу. Он исключил из философических предложений «физику» — хотя исключил ее не потому, что полагал, что она не составляет философии, а лишь потому, что «она сама собою очень пространна»; далее, в его философии не найдутся рассуждения о свойствах и делах Божьих — ибо по его мнению об этом говорится в Священном писании — «чего для нас и довольно, а более покушаться на непонятное умом нашим покажется не кстати»; наконец, как он сам говорит, что он оставил все мелочные описания и сосредоточил свое внимание на существенных положениях.

Наконец, само деление философии не соответствует общепринятому в то время : вот что читаем в предисловии — «практическую философию вместо разделения ее на человеческие дела, натуральный закон, натуральное право, этику и политику разделил я по благопристойности, как кажется мне, на юриспруденцию, как содержащую в себе все права и праведные законы и дела, и на политику».^{64a}

Классификацию наук Козельского можно назвать высшим достижением метафизического материализма в этой области.

В целом теория познания Козельского довольно типична для XVIII века. Главная ее слабость, как и у французских просветителей — недооценка роли человеческой практики в познании, метафизичность гносеологических категорий вопреки ряду глубоких догадок о развитии познания, взаимозависимости ступеней познания, роли повседневного бытового опыта людей в познании.

Таков, в самых общих чертах, характер «Философических предложений» — главного произведения Козельского, которое по праву занимает видное место среди памятников передовой русской философской и общественной мысли второй половины XVIII столетия. Выводы, к которым пришел Козельский в «Философических предложениях», не желая, по его собственным словам, идти против своей совести, конечно, никак не соответствовали деятельности высшего правительственного учреждения, в стенах которого служил Козельский. К концу XVIII века его произведение рисковало вообще не выйти в свет из-за усилившейся цензуры.

Перевод статей из французской «Энциклопедии»

После издания «Философических предложений» Козельский вновь обращается к переводческой деятельности. С 1768 г. он становится участником «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг». Членами этого собрания были А.Н.Радищев, С.Е.Десницкий, Е.В.Разнотовский и другие. Прежде всего они занимались переводами статей из французской «Энциклопедии».

Козельский составил и перевел по поручению Собрания двухтомный сборник статей, выбранных из «Энциклопедии». В их число вошли такие, как «Философия», «Мораль», «Естественное право», «Политика», «Диалектика», «Нравоучение», «Юриспруденция», «Право натуральное» и другие. Кроме статей из «Энциклопедии» Козельский взялся переводить для Собрания еще и «Историю критической философии Лаланда». По всей видимости, это дело он не довел до конца, так как в свет книга не вышла.⁶⁵

Работу по переводу «Энциклопедии» Козельский поделил со своим сослуживцем по Сенату И.Туманским, которому достались наиболее острые политические статьи, такие как «Демократия», «Монархия», «Самодержавство» и другие. Два тома переводов Козельского и том Туманского вышли одновременно в 1770 году.

Впервые перед русским читателем предстали широко раскрытые труды знаменитых французских просветителей. Они отличались от ранее появлявшихся извлечений из «Энциклопедии», которые страдали тенденциозностью. Перевод статей говорил о большом интересе Козельского к просветительской философии, которая по его мнению была способна указать путь к благополучию. Он, по всей видимости, сознательно занимался пропагандой материализма французских просветителей, в отличие от Екатерины, широко распространявшей политическую теорию создателей «Энциклопедии».

В том же 1770 г. Козельский издал еще одну переводную книгу, совершенно из другой области. Она вышла под таким названием: «Сочинение об осаде крепостей перевел с немецкого языка коллежский советник Яков Козельский. В Санкт-Петербурге при Императорской Академии наук, 1770 год», объем ее составил всего 37 страниц.

Переезд Я.П.Козельского на Украину

В середине 1770 г. в служебной карьере Козельского произошли перемены. В «Всеподданнейшем докладе» упоминалось, что в Сенате имелись две обер-секретарские вакансии, одну из которых в порядке старшинства по службе должен был занять Козельский. Однако его кандидатура была отставлена на том основании, что он «сколько ни прилежен и ни ревнителен в звании своем, однако ж к правлению обер-секретарской должности не имеет той способности, какую важность сего чина требует, а гораздо способнее быть при других делах». ⁶⁶

Козельскому была предложена другая вакансия — очередной чин коллежского советника (что соответствовало чину полковника в армии) в Малороссийской коллегии в городе Глухове на Украине. На эту должность он был представлен президентом Малороссийской коллегии П.А.Румянцевым. ⁶⁷ Возможно, отказ в повышении в Сенате был вызван вольнодумным образом мыслей Козельского, который считался несовместимым со службой в высшем правительственном учреждении России того времени.

О периоде жизни Козельского на Украине сохранилось мало сведений. Известно, что прослужил он в Малороссийской коллегии восемь лет, до 1778 г.

Литературное и научное творчество Козельского в это время не было ознаменовано новыми достижениями и произведениями. Он писал: «Вы знаете, какую я имею охоту к наукам, но гражданская должность препятствует мне довольно в них упражняться». ⁶⁸

Интересен один факт, относящийся к этому периоду жизни Я.П.Козельского. В 1778 г. выходит в свет трагедия «Волесон» в 4 частях. Автором этого произведения П.Столпнянский ошибочно считает Я.П.Козельского, на самом деле эта трагедия принадлежит перу его племянника, поэту и драматургу Федору Козельскому. ⁶⁹

Лишь к концу своего пребывания в Глухове, приняв на себя обязанности архивариуса коллегии и приступив к разбору ценных исторических архивных документов, Козельский получил возможность удовлетворить свою склонность к научному труду. Но вскоре болезнь прервала эту работу.

Выход в отставку

В 1778 г., летом Я. Козельский подает на имя П. А. Румянцева челобитную, в которой писал, что «он ныне по усилившимся болезням в груди, глазах и ушах более службы нести не может». Козельский просил об увольнении и отставке, а также «о награждении чином». ⁷⁰

После доклада Румянцева Общему собранию Сената просьба Козельского была удовлетворена. В докладе говорилось: «многими и долговременными и прилежанием к должностям подлинно довел себя до несостояния служить более и по справедливости заслуживает за свои труды награждения». ⁷¹

Выйдя в отставку, осенью 1778 г. с чином статского советника Козельский поселился на Украине в Лубенском полку в селе Крутой берег. Села Крутой берег и Потерюхи были выделены Козельскому в счет пожалованных в 1773 г. «в вечное и потомственное владение» шестидесяти дворов указом Екатерины II. ⁷²

С 1778 по 1788 г. Козельский нигде не служил и, видимо, жил у себя в селе Крутой берег. В 1784 г., как говорилось ранее, он подает прошение о признании дворянства. Вызвано это было, вероятно, в связи с учреждением в 1782 г. на Украине наместничеств. В результате чего все дворяне должны были быть внесены в дворянскую родословную книгу, а для этого требовалось доказательство дворянства. Определением дворянского депутатского собрания Киевского наместничества Козельские были признаны дворянами и внесены в шестую часть дворянской родословной книги Киевского наместничества. Предписано было «изготовить им грамоту» о дворянстве. Но грамота эта им вручена не была, так как герольдия этого определения не утвердила, как и все последующие ходатайства внуков и правнуков Я. П. Козельского вплоть до 1852-1853 гг. В эти годы с ходатайством в Сенат обращался внук Я. П. Козельского — Евграф Евграфович Козельский. ⁷³

Живя в деревне, Козельский много читает и увлекается литературными занятиями. Главное внимание он уделяет естественным наукам, правда возможности его были ограничены. Вся его библиотека насчитывала всего не более двадцати пяти книг. Плодом этих занятий явилась книга, которую он издает после возвращения в Петербург, в 1788 г. Книга эта имела довольно экзотическое название: «Рассуждение двух индейцев Калана и Ибрагима о человеческом познании сочиненная статским совет-

ником Яковом Козельским. В Санкт-Петербурге напечатано с дозволения Управы Благочиния у Шнора, 1788 год», посвящение — Державной Великой Государыне Императрице Екатерине II. Объем произведения составил 268 страниц.

Возвращение Я.П.Козельского в Петербург. Последняя работа «Рассуждения двух индейцев...»

Остается только догадываться, что заставило Козельского в преклонном возрасте вновь продолжить службу в Петербурге. В 1788 г. он числится среди сотрудников Комиссии для составления проекта нового уложения, в Дирекционной комиссии. Он состоит при должности сочинителя при двух помощниках. Следует отметить, что до возвращения в Петербург Козельский появлялся здесь в октябре 1786 г. Он получал в книжной лавке Академии наук экземпляры некоторых своих ранее напечатанных произведений, о чем свидетельствует его расписка.⁷⁴

Служба видимо не слишком обременяла его, так как Комиссия в то время носила чисто бюрократический характер, существовала фиктивно и не имела никакого влияния. Это видимо и позволило Козельскому в 1791 г. занять еще одну должность — инспектора над классами в «Гимназии для чужеродных единоверцев», которая была при Артиллерийском и инженерном шляхетном корпусе. При том самом, в котором Козельский преподавал математику и механику в свои молодые годы. В этой гимназии обучались дети перешедших на русскую сторону греческих семей во время русско-турецкой войны.

В этот петербургский период и появляется произведение Козельского, которое получило название, дававшееся книгам философского и иного характера и служившее определенным прикрытием, маскировкой. Устами «неверных» — индейцев, китайцев, персов провозглашались идеи, которые автор не решался высказать прямо от своего имени. «Рассуждение двух индейцев...» Козельский задумал как труд *энциклопедического* характера. В нем автор дает краткую сводку знаний, выбранных из различных наук и поданных в виде диалога.

Нельзя обойти вниманием довольно щепетильный вопрос — об авторстве. На титульном листе этого произведения значится: «Рассуждения двух индейцев Калана и Ибрагима о человеческом познании; сочиненная статским советником Яковом Козельским, Ч.1. В Санкт -Петербурге напечатано с дозволения

Управы Благочиния у Шнора, 1788 год». Здесь автор явно обозначен и им является — Я.Козельский. Чуть ранее, 20 марта 1788 г., выходит еще одно произведение: «Китайский философ или ученые разговоры двух индейцев Калана и Ибрагима... Иждивением Н. М. А.» Автором же этого произведения, согласно записи в книге является — Н.Максимович-Амбодик. Известный русский врач — акушер. Обе эти книги даже в газетном объявлении о поступлении их в продажу значились рядом.⁷⁵

При сличении текстов встречаются незначительные разночтения, которые носят стилистический характер. А.В.Панибратцев в статье, посвященной Козельскому⁷⁶, делает компромиссное предположение, о том, что сочинение написано в соавторстве Я.П.Козельского с Н.М. Максимовичем-Амбодиком. Но ни в одном из текстов нет даже намека на соавторство.

Нестор Максимович Максимович-Амбодик, крупнейший ученый второй половины XVIII века, является основоположником русского акушерства и педиатрии. Он так же считается одним из основателей русской фармакологии и медицинской терминологии. Н.М.Максимовичу-Амбодику принадлежат работы в области акушерства, педиатрии, ботаники и фармакогнозии. Словари, составленные им, положили начало разработке русской медицинской номенклатуры. Ему также принадлежит ряд работ, способствовавших популяризации медицинских знаний среди широких слоев населения.

Нестор Максимович Максимович (Амбодик — от греческих слов «ambo dic», что в переводе — «дважды скажи», указывающих на двукратное повторение слова «Максимович» в его отчестве и фамилии) родился 27 сентября 1744 г. в селе Веприк Полтавской губернии, в семье сельского священника. Первоначальное образование получил, очевидно, дома. В возрасте 13 лет его определяют в Киевскую духовную академию, где он получил знания не только по богословию, но и по философии, истории, иностранным языкам. В 1768 г. после окончания академии работает в юридической комиссии по составлению Уложения новых законов. В 1769 г. он поступил в госпитальную школу при Санкт-Петербургском сухопутном госпитале. Но не удовлетворившись постановкой обучения, уезжал во Францию, где учился в Страсбургском университете на медицинском факультете.

В 1775 г., после четырехлетнего обучения, защищает диссертацию и получает диплом. Затем он путешествует по Германии, где посещает клиники, слушает лекции. После возвращения в

Санкт-Петербург его прозказменовали в Медицинской коллегии доктора Г.Ашем, Х.Пеккен, А.Линдеман. В 1776 году получает право практики в Санкт-Петербургском адмиралтейском госпитале.

В 1777 г. для повышения знаний отправляется за границу на один год. С 1781 г. занимает место профессора «Санкт-Петербургской бабской школы». Кроме преподавания он вел активную врачебную практику. В 1778 г. Н.М.Максимович уходит с преподавательской работы и занимает место консультанта в клинической больнице. Главные его труды: «Искусство повивания», «Анатомо-физиологический словарь», «Словарь медико-хирургический» на латинском и русском языках, «Новый ботанический словарь» и т.д.⁷⁷

Н.М. Максимович-Амбодику принадлежит также десять переводных работ: шесть на медицинские, четыре на научно-популярные темы, в том числе и «Китайский философ...».⁷⁸ Оба издания («Рассуждения двух индейцев...», «Китайский философ...») являются не переводами, а оригинальными сочинениями.

Ю.Я. Коган в этой связи пишет: «Имеются, вполне достаточные основания в пользу авторства Козельского. Прежде всего укажем на отчасти уже знакомые нам и имеющиеся в обеих книгах замечания автобиографического порядка, вполне соответствующие как характеру творчества Козельского, так и известным нам скудным фактам о его жизни. Сюда же относятся и прямые ссылки на прежние работы Козельского, в том числе на «Философические предложения». Отметим, далее, наличие в обеих текстах русских пословиц и поговорок, просто немислимых в переводной книге, а также весьма широкое использование автором трудов петербургских ученых (Эйлера, Бургава, Миллера и др.). И, наконец, этические принципы Козельского, его исключительная авторская щепетильность, столь ярко проявленная им в «Философических предложениях», никак не вяжутся с тем, чтобы он мог поставить свое имя как сочинителя на титуле чужой, только переведенной им книги. Легче было бы допустить обратное — именно то, что в «Китайском философе» Козельский счел нужным выдать свое произведение за перевод: такого рода маскировка, действительно, часто имела место в XVIII в., да и не только тогда».⁷⁹

Все вышесказанное позволяет предположить, что «Рассуждения двух индейцев...» оригинальное произведение Козельского. Возможно, что некоторые из разделов книги, касающиеся

медицины, ботаники, минералогии, отчасти заимствованы им у других авторов, в том числе и у Н.М.Максимовича-Амбодика. Можно также предположить, что Козельский был лично знаком со своим земляком и, что некоторые специальные разделы писались ими вместе. Ответить же на вопрос — почему одновременно появились эти две схожие книги пока не представляется возможным.

«Рассуждения двух индейцев...» состоит из пяти частей. Первая — «Об испытании природы и ее таинств» служит как бы философским введением к остальным, которые трактуют «О земле и ее произведениях», «О царстве выкапываемых вещей», «О Царстве растущих вещей» и «О тяжести, движении и спокойстве земных тел».

При написании книги были использованы разнообразные материалы из физики, минералогии, физиологии, ботаники, зоологии, анатомии, медицины, земледелия. Цель автора дать сумму энциклопедических знаний и убедить в том, что сила науки единственно способна раскрыть перед человеком «тайны природы». Козельский излагает свое произведение в виде живого диалога. В этой книге еще более проявились материалистические и натурфилософские взгляды Козельского, его энциклопедический склад ума и его энциклопедические знания. Природа предстает здесь единственно мыслимым объектом познания. Человек же одновременно и субъект и объект познания, так как он выступает частью природы.

Заслуживает внимания точка зрения Козельского по поводу задачи философии. Она заключается во все большем углублении в «общую природу вещей» и в «особенную природу человека»: этим определяется содержание и границы человеческого познания. Призывая «отдаться без всякого сомнения кроткому руководству постоянной природы», ласковой к тем, кто, исходя из нее же самой, терпеливо и настойчиво стремится к ее познанию, и не терпящей «ложь, не знающих в точности дел ее людей,» Козельский твердо стоит на очищенной от всяких «предрассуждений» материалистической почве.

«Рассуждения двух индейцев...» были последней изданной Козельским книгой. Возможно он работал над ее продолжением (второй частью). К сожалению, можно только догадываться о ее содержании, но согласно общему замыслу в продолжении должны были быть рассмотрены особенности природы человека и человеческого общества.

В Петербурге Козельский служил вплоть до 1793 г. По состоянию здоровья, в возрасте около 65-лет Козельский вернулся в свою деревню, где прожил, видимо, до конца своей жизни.

У Я.П.Козельского была семья. Его женитьба приходится на 1761 год. Козельский женится на дочери полковника Костирнова. У него было двое детей: дочь Екатерина и сын Евграф. По документам, хранящимся в ЦГИАЛ, в 1788 г. сыну было чуть более пятнадцати лет, дочери примерно около двадцати. Им Яков Павлович посвящает предисловие к книге «Рассуждение двух индейцев Калана и Ибрагима о человеческом познании...», написанное в форме назидательного обращения отца к детям, вступающим в жизнь. 1793 г. является последней известной датой жизни Я.П.Козельского. Год его смерти неизвестен. Таковы дошедшие до нас факты биографии Якова Павловича Козельского писателя, переводчика, энциклопедиста.

* * *

Яков Павлович Козельский был энциклопедически образованным человеком. Предполагая, что многое из того, что он хотел сказать обществу, остается непонятым, он тем не менее считал своим гражданским долгом высказать свои предложения. Козельский старался стоять на высоте требований предъявляемых к ученому, писателю, философу.

Как просветителю, энциклопедисту Козельскому был свойственен секуляризм. Он в своих желаниях не дошел до открытого и последовательно выраженного атеизма, но подобно многим вольнодумцам своего времени, прибегал к деистическим положениям в сочетании с направленным против религии скептицизмом, широко распространенном в России в XVIII в. Он критиковал религию по линии ее моральных принципов и по церковному быту.

Оптимизм в мироощущении никогда не оставлял Козельского. Он был человеком, который любил жизнь и желал хорошей жизни всему человечеству. Он верил, что «истинная добродетель» рано или поздно восторжествует. Обращаясь к молодому поколению в предисловии к «Рассуждениям двух индейцев...» он пишет: «Уже я приближаюсь к тому пределу, который человечеству положен от природы; это неминуемая судьба испытанная множеством веков истина. Которая истекает от вечной и святой причины вещей... Я уже оканчиваю путь моего течения

на свете, и к предметам его, как ни прилипчив, однако, по одному уже ослаблению чувств начинаю становиться недовольно чувствителен; вашей молодости он нужен, вашей живости надежды кажет он перспективу прекрасную и длинную, да и ослепительную».⁸⁰

Козельский отличался разносторонностью интересов. Он был типичным представителем *энциклопедизма*. Общественная мысль, история, философия, этика, естественные науки — все это привлекало его внимание и всюду он старался проявлять «дарование изобретательного, а не подражательного духа», сказать свое слово, желая хоть немного быть, как он говорил, полезным своим «согражданам — россиянам».

Скромный труженик на ниве науки и культуры, до преклонных лет стремившийся к знаниям, Козельский сумел развить много глубоких и передовых для своего времени идей, которые оставили след в истории передовой русской общественной мысли.

Библиография оригинальных и переводных трудов Я. П. Козельского

1. Арифметические предложения для употребления обучающегося в Артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе благородного юношества. Сочинение артиллерии капитана Якова Козельского. В Санкт-Петербурге в 1764 году, (напечатана в типографии Сухопутного кадетского корпуса).
2. Механические предложения для употребления обучающегося при Артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе благородного юношества, сочиненные артиллерии капитаном Яковом Козельским. В Санкт-Петербурге при Императорской Академии наук, 1787 год.
3. Возмущение против Венеции трагедия, сочиненная господином Оттваем а с немецкого языка на российский переведена Артиллерийского и инженерного шляхетного кадетского корпуса поручиком Яковом Козельским. В Санкт-Петербурге 1764 году, (напечатана на счет переводчика в типографии Сухопутного кадетского корпуса).
4. История о переменах происходивших в Швеции в рассуждении веры и правления, сочиненная аббатом Вертолом, Королевской французской академии надписей и словесных наук членом, а с французского языка на российский переведена

- артиллерии капитаном Яковом Козельским. Ч. 1-2. В Санкт-Петербурге при Императорской Академии наук 1764 год.
5. История славных государей и великих генералов с рассуждениями о их поступках и делах, собранная господином Шофиным. Из сочинений Роллена, Кревиэра и других, а с французского языка переведена артиллерии капитаном Яковом Козельским. В Санкт-Петербурге при Императорской Академии наук, 1765 год. (2-е издание — 1792).
 6. Начальные основания фортификации, сочиненные профессором бароном Вольфом, с латинского языка переведенные артиллерии капитаном Яковом Козельским. В Санкт-Петербурге при Императорской Академии наук в 1765 году.
 7. История Датская, сочиненная господином Голбергом, которую сократил и приписал к ней свои примечания надворный советник Яков Козельский. Ч. 1-2. В Санкт-Петербурге. (напечатана в типографии в типографии Сухопутного кадетского корпуса, 1765 — 1766).
 8. Государь министр книга, сочиненная господином Мозером, с немецкого языка переведена артиллерии капитаном Яковом Козельским. В Санкт-Петербурге в 1766 году. (при Императорской Академии наук).
 9. Философические предложения, сочиненные надворным советником и Правительствующего Сената секретарем Яковом Козельским. В Санкт-Петербурге печатано при Сенате, 1768 год.
 10. Сочинение об осаде крепостей, перевел с немецкого языка коллежский советник Яков Козельский. В Санкт-Петербурге при Императорской Академии наук, 1770 год.
 11. Статьи о философии и частях ее из Энциклопедии, переведенные надворным советником Яковом Козельским. При Императорской Академии наук, 1770 г.
 12. Рассуждения двух индейцев Калана и Ибрагима о человеческом познании сочинены статским советником Яковом Козельским. В Санкт-Петербурге напечатано у Шнора, 1788 год.

Заслуживают также внимания и дополнительного исследования оставшиеся в рукописи работы Я.П.Козельского: «Исследование об интегралах». 1756 год, и «Послание к академикам». 1764 год.

Качарава Владимир Борисович, адъютант Михайловской артиллерийской академии, МО РФ.

Примечания

- 1 Коган Ю.Я. Просветитель XVIII века Я.П.Козельский. М., 1958.С.622.
- 2 Лопман Ю.М. К биографии Я.П.Козельского//Вопросы философии. 1959. №8. С. 97.
- 3 Коробкина О. К биографии Якова Козельского. Ученые записки ЛГУ. №200. 1955. С.199.
- 4 Там же.
- 5 Материалы для истории Имп. Академии Наук. Т.10. СПб., 1900. С.622.
- 6 Там же, С. 686.,719.
- 7 Толстой Д.А. Академическая гимназия XVIII столетия. Прилож. №2 к Т.51 Записок Академии наук. СПб., 1885.
- 8 Коган Ю.Я. Просветитель XVIII века Я.П.Козельский. М., 1958. С.35.
- 9 Прудников В.Е. Русские педагоги математики XVIII — XIX в.в. М., 1956. С.116.
- 10 Коган Ю.Я. Просветитель XVIII века Я.П.Козельский. М., 1958. С.36.
- 11 Толстой Д.А. Академический университет в XVIII столетии. Сб.отд.русского языка и словесности Академии наук. Т38. СПб., 1886. С.41.
- 12 Морозов М. Михаил Васильевич Ломоносов. Л., 1952. С. 693.
- 13 Протоколы конференции имп. Академии наук. Т. 2. С.359.
- 14 Архив Академии наук России, ф.3, д. 173, лл. 653-654.
- 15 Там же, оп.1. д.202, л. 18.
- 16 Там же, ф.3, д.222, л.380-380 об.
- 17 Там же, л.384.
- 18 Козельский Я.П. Механические предложения...СПб., 1787.
- 19 Козельский Я.П. Рассуждение двух индейцев Калана и Ибрагима о человеческом познании... Предисловие. СПб., 1788.
- 20 Коробкина О. К биографии Якова Козельского. Ученые записки ЛГУ. №200. С.200.
- 21 Прудников В.Е. Русские педагоги — математики XVIII — XIX вв. М., 1956. С. 117.
- 22 Исторический очерк 2-го кадетского корпуса. Т.1., СПб., 1912. С.40.
- 23 Козельский Я.П. Механические предложения... СПб., 1764. Предисловие. С. 2.
- 24 Там же. С.3.
- 25 Козельский Я.П. Арифметические предложения... СПб., 1764. Предисловие. С.4.
- 26 Козельский Я.П. Механические предложения... Предисловие.
- 27 Козельский Я.П. История Датская... СПб., 1765. Ч.1. С.129 (прим.6).
- 28 Козельский Я.П. История Датская... СПб., 1765. Ч.1. С.59 (Прим. 22).
- 29 Там же. С.50 (Прим. 19).

- 29 Там же. С.230. (Прим. 38).
- 30 Там же. С 206-207.
- 31 Там же. С.205. (Прим. 36).
- 32 *Столпянский П.* Один из незаметных деятелей Екатерининской эпохи. П. Яков Павлович Козельский // Русская старина. №12. 1906. С.582-583.
- 33 Архив Академии наук России. Ф.3. оп.1. д.291. л.280.
- 34 *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений. Т.IX. М., 1955. С.671.
- 35 ЦГАДА. Ф.262. Д. 6007. Л.96.
- 36 Там же. Л. 96 об.
- 37 Там же. Д.3702. Л.537 об-539.
- 38 *Бак И. Я.П.Козельский* // Вопросы истории. №1. 1947. С.84.
- 39 *Коган Ю.Я.* Свободомыслие Я.П.Козельского // Вопросы истории религии и атеизма. 1950.
- 40 Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. М., 1952. Т.1. С.27.
- 41 *Коробкина О. К* биографии Якова Козельского // Ученые записки ЛГУ №200. Вып.25. 1955. С.194-204.
- 42 *Флоровский А.В.* Депутаты войска Запорожского в законодательной Комиссии 1767 г. // Записки Одесского общества истории и древностей. Т.30. 1912.
- 43 *Коробкина О. К* биографии Якова Козельского // Ученые записки ЛГУ №200. Вып. 25. 1955. С.195.
- 44 Архив Академии наук России. Ф.3. Оп.1. Д.163. Л.16
- 45 Там же. Д.163. Л. 19., Д.173. Л. 653.,136-141. Д.202. Л.18., Д.237.Л.156-158.
- 46 *Коробкина О. К* биографии Якова Козельского. Ученые записки ЛГУ №200. Вып. 25. 1955. С.196-197.
- 47 Там же. С.197.
- 48 *Гуковский Гр.* Очерки русской литературы и общественной мысли XVIII века. Л., 1938. С.61.
- 49 *Орлов В.* Русские просветители 1790-1800 годов. М., 1950.С.26.
- 50 *Коган Ю.Я.* Просветитель XVIII века Я.П.Козельский. М., 1958.
- 51 *Толстой Д.А.* Академический университет в XVIII веке // прилож. к запискам Академии наук. Т.51. Кн.1. 1885. С.44-45.
- 52 Малороссийский родословник. Т.II. С.391.
- 53 Письмо о благодеянии его сиятельству графу Никите Ивановичу Панину. 1776. //Собрание разных сочинений и новостей. Июнь 1776.
- 54 *Козельский Ф.Я.* Сочинения. Т.1. С.180-181.
- 55 Там же. С.185.
- 56 *Козельский Я.П.* Философические предложения... СПб., 1768. Предисловие.
- 57 Там же.
- 58 Там же. Предисловие.
- 59 Там же. С.68.
- 60 Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т.1. М., 1952. С.447.
- 61 Там же. С.448.
- 62 Там же. С.431-432.
- 63 Там же. С.458.

- 64 Там же. С.451, 452, 557,573.
- 64а *Столлнянский П.* Один из незаметных деятелей Екатерининской эпохи. Яков Козельский // Русская старина. №12. 1906. С.579.
- 65 *Семенников В.П.* Собрание, старающееся о переводе иностранных книг. СПб., 1913. С.13.
- 66 ЦГАДА. Ф.268. Д. 38558. Л.261.
- 67 Там же. Ф.268. Д.6297. Л.Л. 36. 50-50об.
- 68 *Козельский Я.П.* Рассуждение двух индейцев Калана и Ибрагима о человеческом познании... СПб., 1788. С.1.
- 69 *Коган Ю.Я.* Просветитель XVIII века Я.П.Козельский. М., 1958. С.65.
- 70 ЦГАДА. Ф.268. Д.6320. Л.496-496 об.
- 71 Там же. Л. 496-496 об.
- 72 Там же. Л.44-45.
- 73 Там же. Ф.1343. Оп. 23. Л.4780.
- 74 Месяцеслов с росписью чиновных особ на 1789 г. СПб. С.101.
- 75 Санкт-Петербургские ведомости. 1788. С.778.
- 76 Русская философия. Словарь. М.,1995.
- 77 Новый энциклопедический словарь. Т.25. СПб., 1915.
- 78 *Данилишина Е.И. Обысова Е.С. Н.М. Максимович — Амбодик. М., 1976.*
- 79 *Коган Ю.Я.* Просветитель XVIII века Я.П.Козельский. М., 1958. С. 67-68.
- 80 *Козельский Я.П.* Рассуждения двух индейцев о человеческом познании... СПб., 1788. Предисловие. С.1-11.